

выразить всего того, что думаешь, и никогда не приходило сомнѣніе, тоже столь обыкновенное для кн. Андрея, что не вздоръ-ли все то, что я думаю и все то, во что я вѣрю?...» На самомъ же дѣлѣ, для насъ, кн. Андрей эту завистью признавался лишь въ своей праздности, въ погонѣ за какимъ-то эстетическимъ, красивымъ умомъ... Вѣдь трудно же, ничего не дѣлая, ведя праздную, мечтательную жизнь—имѣть разумъ человѣка, вся дѣятельность умственная котораго устремлена къ пользѣ людей и ихъ благу! Ибо тогда дѣятельность эта принимаетъ уже характеръ, какъ мы видѣли раньше, этический, характеръ «призванія.» Этою завистью кн. Андрей только болѣе еще утверждаетъ насъ въ нашемъ о немъ мнѣніи, еще болѣе убѣждаетъ насъ, какъ мы правы, приписывая его погонямъ за умомъ исключительно лишь эстетическій характеръ,—цѣли драпировки, наружной маски... Она не скрылась отъ нашихъ взоровъ ни въ его встрѣчахъ и разговорахъ съ Пьеромъ, ни въ его искусственныхъ и подогрѣтыхъ подтруниваніяхъ надъ отцемъ, надъ «божыми людьми» княжны Марьи, надъ ея вѣрой и молитвой; она же окончательно всплыла теперь на поверхность—этими его собственными признаніями въ «зависти» къ чужому уму,—собственно, къ чужой, разумной, наполненной трудомъ и содержаніемъ жизни. Оттого-то кн. Андрею и трудно давалось пониманіе Сперанскаго: онъ, кн. Андрей, лучший представитель своего округа, передовой человѣкъ въ своей средѣ,—искалъ въ Сперанскомъ, (вышедшемъ изъ сословія, не знающаго Иртеньевской науки наружнаго «комильфо»), чего либо себѣ подобнаго, т. е. какой либо рисовки, ходульности и «геройства»—и не найдши этого, тотчасъ-же, по свойственной ему склонности къ «примѣриванію», началъ желать и для себя *такого* ума... Если бы Сперанскій былъ изъ того же общества,